

заставаўся такім, якім ён быў у савецкі час, – этнічным. У ім таксама дзейнічае ідэалагічны прынцып фарміравання літаратурнага канона.

Такім чынам, ідэалагічны прынцып з’яўляецца галоўным пры фарміраванні літаратурных канонаў, якія ў сваю чаргу з’яўляюцца інструментам дзяржаўнай ідэалогіі (а таму не існуе канонаў без дзяржаў). Эстэтычны прынцып фарміравання літаратурнага канона, які сцвярджаюць многія навукоўцы ў розных краінах (М. Мушыньскі, Г. Блум), актуальны для тых тэкстаў, якія прайшлі праверку ідэалагічным крытэрыем. Прынцыпы фарміравання літаратурнага канона знаходзяцца ў карэляцыі з тыпам нацыі.

Библиографический список

1. Мушыньскі, М. І. Крытыка і літаратуразнаўства / М. І. Мушыньскі / Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. Т. 4. Кн. 1. 1966–1985 / НАН Беларусі, АДДэ-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т ім. Я. Купалы; Навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск: Бел. навука, 2002. – С. 73–111.
2. Guillory, J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation / J. Guillory. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1993. – 392 p.
3. Поповић, Т. Источни канон / Т. Поповић. – Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2019. – 277 с.
4. Рутц, М. Адзін народ, адна мова, адна літаратура? Канцэпцыі гісторыі беларускай літаратуры ў эвалюцыйных змяненнях (1956–2010) / М. Рутц; пер. і камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // TOPOS. – 2022. – № 2. – С. 81–124.

Бычкова Варвара Андреевна

канд. филол. наук, доцент (Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия)
bvarvara@yandex.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОЙ ВИРСАВИИ ТОМАСОМ ГАРДИ («ВДАЛИ ОТ ОБЕЗУМЕВШЕЙ ТОЛПЫ») И ЗОИ ХЕЛЛЕР («ХРОНИКИ ОДНОГО СКАНДАЛА»)

В статье представлен анализ образа Вирсавии в романах Т. Гарди «Вдали от обезумевшей толпы» и Зои Хеллер «Хроники одного скандала».

Ключевые слова: библейский сюжет; Вирсавия; Т. Гарди; З. Хеллер.

Цель нашего исследования – проанализировать переосмысление образа и истории библейской Вирсавии в романах писателя викторианской эпохи Т. Гарди («Вдали от обезумевшей толпы») (*Thomas Hardy, Far from the Madding Crowd*, 1874) и современной британской писательницы Зои Хеллер («Хроники одного скандала») (*Zoë Heller, Notes on a Scandal*, 2003). Писатели не пытаются «переписать» библейский миф (как это делает, например, шведский Т. Линдгрен в своем романе «Вирсавия» (1984) (см. об этом романе [1]), но создают новые «версии» Вирсавии и ее истории конца XIX в. (Т. Гарди) и начала XXI в. (Зои Хеллер), «подарив» своим героиням имя Вирсавии (*Bathsheba Everdene* и *Sheba (Bathsheba) Hart*).

Отметим, что основные принципы переосмысления библейского сюжета в романах Т. Гарди и З. Хеллер схожи (что чрезвычайно интересно, учитывая, что романы написаны с интервалом в примерно 100 лет). Во-первых, оба писателя обращают внимание на значительные изменения в положении женщины в обществе. Как известно, в Библии [2, 2 Цар. 11–12]) история Вирсавии из-

ложена, преимущественно, «с точки зрения» царя Давида, некоторое внимание уделено образу Урии Хеттеянина, однако образ Вирсавии сводится к ее очень яркой внешности и констатации ее поступков (она приходит к Давиду, позже – извещает его о своей беременности и т. д.). Чувства героини, ее отношение к происходящему и пр. никак не комментируются. В романах Т. Гарди и З. Хеллер ситуация совершенно иная. Их Вирсавии – центральные персонажи произведений, со своим внутренним миром, «голосом», точкой зрения и пр. (Интересно, что и Т. Линдгрэн придерживается того же принципа, наделяя свою героиню исторического романа «Вирсавия» «стремлением и активностью» [1, с. 74]). Мы определенно имеем дело с феминным (или даже феминистским) переосмыслением библейского сюжета: он перенесен в мир, где женщина – полноценный (или, у Гарди, почти полноценный) член общества, имеющий право не только на выражение своих чувств и мыслей, но и на самовыражение. Радикальное изменение статуса женщины в обществе проявляется в исследуемых романах еще и тем, что героини, порой «играют роли» других персонажей библейского сюжета о Вирсавии. Чаще – это «роль» царя Давида: Вирсавии выступают инициаторами отношений, занимают в паре, так или иначе, более высокий статус и пр. С другой стороны – оба писателя подчеркивают всем известную тенденцию «демократизации» литературных персонажей, когда благородный, исключительный мифологический герой понемногу трансформируется в обычного человека. Отношение автора к такой трансформации может быть разным: от тоски по великим людям, способным на настоящие жертвы, подвиги и пр. (и сарказма по отношению к совсем «не великим» современникам), до стремления показать читателям, что и сегодня есть место «большим» чувствам, страстям, страданиям, заблуждениям и ошибками и пр. Обозначив общие принципы переосмысления истории библейской Вирсавии в романах Т. Гарди и З. Хеллер, рассмотрим каждое произведение более подробно.

Образ Вирсавии Эвердин, главной героини романа «Вдали от обезумевшей толпы», отличает динамика, в которой постоянно находится героиня: меняется как ее характер, так и внешние обстоятельства (библейский образ Вирсавии, как мы помним, статичен). Сирота и бесприданница, Вирсавия Эвердин также обладает очень яркой внешностью и прекрасно это осознает. Отчасти именно уверенность в собственной привлекательности придает ей уверенности, и смелости. Впервые Вирсавия появляется верхом на лошади, но без традиционных для викторианской эпохи амазонки и дамского седла, что определенно свидетельствует о сильном, независимом характере [3, ch. 4]. Из-за стремления к независимости Вирсавия отвергает предложение влюбленного в нее фермера Габриэля Оука, мечтая, во-первых, о браке по любви, а во-вторых, возможности самореализовываться как-то иначе, не выходя замуж. Очень скоро героиня получает такую возможность: получив от дяди наследство она превращается в обеспеченную обладательницу большой фермы. Хотя молодая и красивая девушка в такой роли – не совсем привычное для современников зрелище, новый статус не уменьшает, а наоборот, увеличивает популярность Вирсавии у потенциальных поклонников. Сложность характера Вирсавии Эвердин состоит в том, что, помимо врожденного чувства собственного достоинства, источником уверенности девушки в себе является тщеславие, которое толкает героиню на безрассудные поступки с серьезными последствиями. Например, Вирсавия посылает соседу Болдвуду письмо-«валентинку». Библейский сюжет здесь получает почти зер-

кальное отражение: во-первых, девушка, а не мужчина, проявляет инициативу в отношениях, а во-вторых: в отличие от искренних чувств и намерений царя Давида, посылающего за библейской Вирсавией, Вирсавия Эвердин просто хочет разыграть «глупого, старого Болдвуда» [3, ch. 13], не думая о последствиях.

Печальная истина, по Т. Гарди, истина состоит в том, что обретенные героиней финансовая и социальная независимость не дают ей полной свободы. Ничто не может защитить человека от собственных страстей, заблуждений, порывов. В том числе и об этом повествует история библейского царя Давида, но у Гарди драматические ошибки совершает Вирсавия. Появившуюся у нее возможность самой выбирать самой спутника жизни она использует неудачно, выйдя замуж за сержанта Фрэнка Троя. Ирония состоит в том, что Вирсавия реагирует на те же качества, что присущи ей самой: внешнюю привлекательность Троя и его умение ею пользоваться (ключевым моментом их отношений становится наполненная, по мнению исследователей, фрейдистскими символами [4, с. 134] сцена романа, в которой Вирсавия наблюдает за Троем, упражняющимся в фехтовании [3, ch. 28]). Вирсавия не находит в Трое помощника и советчика, а впоследствии героиня узнает, что по вине мужа оказалась в положении, вновь сопоставимом с ситуацией библейского царя Давида. Узнав, что бывшая работница ее фермы Фанни Робин погибла в рабочем доме, Вирсавия разрешает привезти в дом гроб с телом девушки. Ночью она узнает, что Фанни умерла от родов и отцом ее ребенка был Трой. Фрэнк признается в любви к погибшей Фанни, несправедливо обвиняя Вирсавию и том, что не обвенчался с «настоящей» женой [3, ch. 43]. На самом деле венчание не состоялось из-за недоразумения, а потом Трой сам, по капризу, разорвал отношения, но Вирсавия, как и царь Давид, оказывается буквально раздавлена отчаянием и чувством вины: хотя и непреднамеренно, но она, независимая, сильная и самодостаточная, отняла у бедной, одинокой и ранним Фанни единственного родного человека и обрекла ее на гибель.

Вирсавии Эвердин суждено стать героиней еще одной драматичной истории. Шутка с «валентинкой» приводит к тому, что фермер Болдвуд влюбляется. Сержанта Троя, отказавшегося взять у Болдвуда деньги, в обмен на разрыв отношений с девушкой, Болдвуд ненавидит. Когда после инцидента с Фанни Робин Трой исчезает и считается погибшим, Болдвуд возобновляет ухаживания за Вирсавией, надеясь на ней жениться. Его планы внезапно рушатся, когда Трой неожиданно объявляется, желая вернуть дом и жену. Когда царь Давид посылает Урию Хеттеянина на смерть [2, 2 Цар. 11:15–11:17]), его действия можно интерпретировать, в том числе, и как желание спасти Вирсавию (и будущего ребенка) от наказания за измену. Убийство Троя Болдвудом – акт отчаяния и наказание соперника, хотя тоже отчасти выглядит как попытка защитить Вирсавию (Трой пугает жену, ведет себя агрессивно и т. д.). Среди вещей в доме Болдвуда находят подарки, подписанные «Вирсавия Болдвуд» (хотя молодая женщина еще не дала согласия на брак), – красноречивое свидетельство того, что чувство Болдвуда к Вирсавии давно превратилось в одержимость, патологию, поэтому после убийства Троя Болдвуд пугающе спокоен, ведь жизнь без Вирсавии не имеет смысла [3, ch. 53–54].

Спасением и надеждой на счастье для Вирсавии Эвердин становится Габриэль Оук. Волей обстоятельств превратившись из состоятельного жениха в работника Вирсавии, Оук становится для нее персонажем, которого лишены герои библейской истории о Вирсавии – наставником. Он способствует ее самосовер-

шенствованию (например, справедливо укоряя за легкомысленное поведение с Болдвудом), помогает на ферме (особенно когда становится понятно, что на Троя рассчитывать не приходится), утешает и старается поддержать в трудную минуту. Хотя приверженцы феминистского направления в литературоведении считают этот процесс «приручением» и подавлением героини [4, с. 35], взаимоотношения между Вирсавией и Габриэлем можно интерпретировать и по-другому: герои постепенно учатся понимать и ценить друг друга, помогают друг другу стать лучше, на глазах читателя происходит становление гармоничных отношений, основанных на любви и уважении. Пожалуй, именно это, по Т. Гарди, способно уберечь человека от несовершенств мира и собственных страстей и сделать его счастливым.

В романе «Хроники одного скандала» З. Хеллер героиня Шеба Харт также приходит к обретению друга, но именно друга, а не «правильного» возлюбленного, и финал романа, в отличие от произведения Т. Гарди, сложно назвать счастливым. В центре сюжета романа – история школьной учительницы Шебы (Батшебы, т.е. Вирсавии) Харт. Повествование организовано в форме дневника-заметок подруги Шебы Барбары Коветт, взявшей на себя обязанности «хроникёра» произошедших событий. Уважаемая и обеспеченная супруга ученого, мать двоих детей, едва начав свою педагогическую карьеру, становится любовницей своего 15-летнего ученика, а когда об этой связи становится известно, теряет все: дом, семью, работу, репутацию и пр., став жертвой общества, как и библейские времена, способного легко превратиться в разъяренную толпу, готовую «побить камнями» оступившегося. Рядом остается только Барбара – властная, доминирующая, довольно эгоистичная, но отчаянно нуждающаяся в хотя бы одном близком человеке рядом. Прочитав дневник Барбары, Шеба возмущена, но потом героини мирятся – Шебе просто не к кому больше обратиться за помощью, а Барбара готова быть рядом.

Можно сказать, что З. Хеллер предлагает ироничный, если не саркастический, вариант истории библейской Вирсавии. Кстати, при знакомстве Барбара спрашивает Шебу в честь кого родители ее назвали: библейской Вирсавии или героини Т. Гарди, на что Шеба отвечает: «Я думаю, им просто понравилось имя» [5, с. 15], что можно интерпретировать как намек на то, что этот роман будет совсем новой, другой историей Вирсавии. Библейская Вирсавия жила, по крайней мере, в мире сильных мужчин, способных совершать поступки. Рядом с Шебой такого мужчины нет. Барбара недоумевает, привлекут ли Шебу в Стивене Конноли [5, 41–42] – заурядном, плохо воспитанном подростке из не вполне благополучной семьи. Шеба считает юношу привлекательным, сначала она заинтересовывается Стивеном как педагогом (он посылает ей свой рисунок), однако других достоинств у юноши нет, связь со взрослой женщиной для него – предмет бахвальства и хвастовства, впоследствии он капризно, по-детски, разрывает отношения, а затем отстраняется, когда бывшая возлюбленная становится предметом всеобщего презрения и порицания. Муж Шебы Ричард поначалу поддерживает жену, но затем сдается, не выдержав негативного внимания к их семье со стороны общества, его наполняют ревность и обида на Шебу за ее измену и разрушенное благополучие семьи и, в конечном итоге, Ричард, со своей стороны, больно ранит Шебу, ограничив ее общение с сыном.

Несчастья Шебы Харт вызваны парадоксом современности: сегодня у человека (мужчин и женщин в равной степени) есть определенная свобода и неза-

висимость. Каждый, казалось бы, может строить свою жизнь как хочет, более того – общество прямо-таки требует от человека движения, роста, достижений и пр. Но это совсем не значит, что люди могут воспользоваться имеющимися возможностями, у некоторых просто нет энергии, сил, мешают обстоятельства и пр. Такова Шеба, прожившая всю жизнь под опекой родителей, любящего мужа и друзей. Она была хорошей хозяйкой, хорошей женой, отличной матерью особенного ребенка (Бэн болен синдромом Дауна), но даже дома не находила настоящего счастья и покоя: нервничала, что приходится во всем быть «не хуже» первой жены Ричарда – слишком частой гостьи в их доме, не могла наладить отношения с дочерью-подростком. Даже когда муж оборудует для нее гончарную мастерскую в подвале договаривается с няней сына «освободить» Шебу на несколько часов в день, Шеба «смотрит мыльные оперы и спит» [5, с. 126], а в школе у нее на уроках атмосфера «Повелителя мух» (по выражению одного из коллег) [5, с. 23]. Шеба цепляется за первую же возможность «раскрасить» свою, полную разочарований и апатии, жизнь и этой возможностью становится роман со Стивеном Конноли, в нем она активна, проявляет инициативу, но именно эта часть ее жизни разрушает ее семью. Но вместе с тем, автор дает читателям возможность посочувствовать Шебе. Барбара признает, что Шеба сама разрушила свою жизнь, но много размышляет об отношениях Шебы и Стивена, ставит неудобные, но правильные вопросы: был ли юноша действительно «жертвой», так ли виновата Шеба, не слишком ли пресса увлекается громкими словами, клише, кто в действительности пострадал от двойных стандартов и пр. Кроме того, Стивен, как бы ни относились к их отношениям люди, все-таки играл очень важную роль в жизни Шебы. Это понимает Барбара, когда обнаруживает сделанную Шебой скульптуру «Мать и дитя». «Дитя» очень сильно напоминает Стивена, он все-таки подарил Шебе некоторое вдохновение, хотя и основанное не на любви, а на влечении, одержимости и горечи [5, с. 243]. С согласия Шебы, Барбара ломает скульптуру и, будучи не в силах решить все проблемы Шебы, берется хотя бы «вылечить» подругу от разрушающего ее чувства.

Таким образом, Т. Гарди и З. Хеллер каждый в свою создают «свою» Вирсавию. Они обращают внимание на изменившийся статус женщины в обществе, дела героиню центром произведения, наделяя ее своим «голосом», внутренним миром и пр., делая ее более инициативной по сравнению с Вирсавией из Библии. Однако, права, свободы и возможности женщины не решают всех проблем: любовь по-прежнему может быть источником страданий, люди оказываются в плену страстей, влечений и заблуждений и только по-настоящему родственная душа и настоящее чувство способно дать человеку счастье.

Библиографический список

1. Пикулева, И. А. Интерпретация библейского сюжета в романе Т. Линдгрена «Вирсавия» / И. А. Пикулева // Библия и национальная культура. – Пермь: Пермский государственный университет, 2004. – С. 71–74.
2. Библия. Ветхий завет. 2-ая книга Царств [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения: 14.08.2025).
3. The Complete Works of Thomas Hardy / T. Hardy [Kindle edition]. – Cronos Classics, 2017.
4. Sasaki, T. Far from the Madding Crowd / T. Sasaki // Oxford Reader's Companion to Thomas Hardy. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 130–135.
5. Heller, Z. Notes of a Scandal / Z. Heller. – L.: Penguin Books. – 244 p.